

Лишняя запятая, или Смерть к чаю

Уютный
детектив

ГРАММАТИКА

ДЕТЕКТИВЫ

ПИРОЖНЫЕ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Милана Панова

Лишняя запятая или Смерть к чаю

«Автор»

2026

Панова М.

Лишняя запятая или Смерть к чаю / М. Панова — «Автор», 2026

Корректор видит ошибки там, где другие видят обычный текст. Нина Платонова пятнадцать лет искала чужие опечатки, пока московское издательство не заменило её нейросетью, а муж не ушёл, оставив записку с одной лишней запятой. В сорок один год Нина возвращается в родное Тихоречье, к лучшей подруге и её кондитерской «Мятный лист», где пахнет ванилью, а на буфете дремлет рыжий кот Эклер. Всё, чего она хочет, это тишина, пироги и никаких рукописей. Но владелец местной пастильной фабрики, накануне юбилея доверивший ей свою книгу и странную деловую переписку, умирает прямо за чайным столиком. Подозрение падает на подругу. Капитан Громов ищет улики. Нина ищет то, что умеет лучше всего: ошибку в тексте, которую оставил убийца. Остроумный уютный детектив с вкусной выпечкой, вездесущей соседкой-учительницей, невозмутимым капитаном и лёгкой любовной линией. Для тех, кто любит, когда справедливость торжествует, а в финале всё стоит на своих местах.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишняя запятая	5
Глава 2. Папка с чужими запятыми	8
Глава 3. Юбилей с летальным исходом	10
Глава 4. Подозреваемая — шарлотка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Милана Панова

Лишняя запятая или Смерть к чаю

Глава 1. Лишняя запятая

Корректор — это человек, который видит ошибки там, где остальные видят текст. Профессия, надо сказать, незавидная. Вас никто не хвалит за правильно расставленные запятые, зато за одну пропущенную вам припомнят всё, вплоть до прошлогодней опечатки в слове «ответственность».

Пятнадцать лет я читала чужие книги раньше, чем их прочтут все остальные. Детективы, любовные романы, мемуары бывших депутатов, поваренные книги и однажды даже инструкцию к стиральной машине, которую её автор искренне считал художественным произведением. В московском издательстве меня называли «Платонова-ястреб». Мой личный рекорд: найти слово «стол» вместо «стул» на семьсот сорок второй странице тома в полторы тысячи страниц. Автор потом звонил мне и плакал от благодарности. Правда, потом всё равно сменил корректора.

А затем издательство внедрило нейросеть. Нейросеть работала быстро, не просила отпуск и не вздыхала над рукописями. Через месяц мне вручили приказ о сокращении штатной единицы. Штатной единицей была я.

Дома ждал второй приказ, менее официальный. На холодильнике под магнитом в виде ананаса лежала записка от мужа: «Нина, прости. Я больше не могу жить с человеком, который поправляет мою речь за ужином. Я ушёл к Лене из отдела логистики. Вещи заберу в субботу». Я перечитала записку трижды. В ней была одна лишняя запятая. Это почему-то расстроило меня больше всего остального.

Квартира была съёмной, залог оказался единственной суммой, которую мне удалось вернуть. Поэтому в конце сентября, в сорок один год, с одним чемоданом, сорока тысячами на карте и привычкой мысленно исправлять вывески, я села в электричку и поехала в родное Тихоречье.

Подруга Люба встретила меня на перроне с термосом.

— Ты похудела, — сказала она вместо приветствия.

— Это нервы.

— Тогда пошли. У меня нервы лечат пирогами.

Люба Мельникова с детства умела две вещи: печь и не задавать лишних вопросов. Пять лет назад она открыла на главной улице кондитерскую «Мятный лист», и город мгновенно разделился на тех, кто там уже бывал, и тех, кто собирался. Над дверью висел медный колокольчик, на подоконниках росла мята в глиняных горшках, а на старом буфете, свернувшись пушистым бубликом, спал огромный рыжий кот.

— Это Эклер, — представила Люба. — Он ничего не делает, но числится в штате.

— Почему Эклер?

— Потому что он длинный, рыжий и в сладком подозрительно хорошо разбирается. Один раз съел целую корзиночку с кремом и сделал вид, что так и надо.

Эклер приоткрыл один янтарный глаз, оценил мой чемодан, зевнул и вернулся ко сну. Я поняла, что приняты не все, но по крайней мере мне не отказали сразу.

Жить мне предстояло на втором этаже над кондитерской, в Любиной квартире, где была свободная комната с видом на площадь. На лестничной площадке напротив жила Тамара Ильинична, семидесятилетняя вдова и бывший учитель литературы. Она открыла дверь ровно через

две секунды после того, как я поставила чемодан, и окинула меня взглядом, каким раньше, наверное, окидывала двоечников.

— Нина Платонова? Дочь Сергея Ивановича, который чинил часы?

— Да.

— Помню вашу маму. Прекрасно писала сочинения, но склонна была к пафосу. Вы у неё, надеюсь, не переняли?

— Я корректор, — сказала я. — Пафос я вычёркиваю.

— Отлично, — кивнула Тамара Ильинична. — Значит, будем дружить.

Так началась моя новая жизнь, точнее, старая, но с другой стороны.

Первую неделю я спала по двенадцать часов, ела Любины пироги и ходила по городу, удивляясь тому, как мало здесь изменилось. На аптеке висела вывеска «Аптека. Круглосуточно. С 8 до 20», на булочной «Хлеб ежедневно кроме воскресенья по воскресеньям закрыто», а в парке стоял плакат «Вырвать цветы, значит убить красоту». Я стояла перед ним минут десять, пока меня не окликнул мальчишка на самокате.

— Тётяшка, вы чего? Заболели?

— Нет, милый. Просто на меня давит запятая.

Любино меню оказалось ещё богаче. «Пирожное картошка с орехами и пюре», «торт Наполеон Бонапарт, со сгущёнкой» и, моя любимая позиция, «чай с мяты (без сахара) и с сахаром». Люба покраснела.

— Я хотела красиво, а вышло...

— Вышло смешно, — сказала я. — Давай переделаю.

За вечер я исправила всё меню, таблички на витрине и объявление о скидках для пенсионеров. Люба смотрела на меня с благоговением.

— Нин, ты бы знала, как я мучилась. Я ведь не гуманитарий, я печь умею.

— А я печь не умею. Зато меню у тебя теперь самое грамотное в районе.

— Останься, — сказала Люба неожиданно тихо. — Я не смогу платить много, зато смогу кормить. Каждый день. До конца жизни.

— Моей или твоей?

— Как получится.

Я засмеялась и в этот момент впервые за три месяца почувствовала, что смеюсь по-настоящему.

В тот же день я обратила внимание на человека, которого завсегдатаи кондитерской называли просто «наш Аркадий Борисович».

Он входил ровно в пять вечера, как будто в городе существовала служба точного времени и он был её сотрудником. Высокий, плотный, шестидесяти двух лет, в тёмно-синем пиджаке, с аккуратной седой бородкой. Вешал пиджак на третий крючок у двери, садился за угловой столик и говорил:

— Любовь Сергеевна, мне, как обычно.

Как обычно означало чай с мятой и тонкий ломтик яблочного пирога. Только этот чай и только этот пирог. Люба относилa заказ сама, всегда в одной и той же чашке с синей каймой.

— Это Бельский, — шепнула мне Люба, когда он уселся. — Хозяин «Тихоречской пастилы». Фабрика у нас градообразующая, он считай полгорода кормит. И он, Нин, очень тяжёлый аллергик. На орехи. Однажды в кафе напротив ему в салат попала крошка грецкого ореха, и его еле откачали. Поэтому у меня на кухне нет ни одного ореха. Ни миндаля, ни фундука, ни арахиса. Даже кедровые в рецепте заменила тыквенными семечками.

— А как же он на фабрике? Там же, наверное, всё в орехах.

— Пастила у них без орехов. Он за этим следит как коршун. И в кармане пиджака у него всегда эта штука, ручка с адреналином. Говорит: «Жена не любит, когда я выхожу из дома без неё».

Аркадий Борисович пил чай медленно, с удовольствием, и смотрел в окно. Выглядел он как человек, у которого есть всё, но которому всё равно чего-то не хватает. Потом его взгляд скользнул по залу, остановился на мне, на моих руках, исправлявших красным карандашом очередное «чайник с кипятком горячим», и он слегка нахмурился, как будто что-то вспомнил.

Тогда я ещё не знала, что этот взгляд изменит мою жизнь. И что до конца его собственной оставалось всего две недели.

Глава 2. Папка с чужими запятыми

Ровно через неделю после моего приезда, в пятницу, Аркадий Борисович сделал то, чего не делал никогда за последние пять лет. Он встал из-за своего столика и подошёл к моему.

— Нина Сергеевна, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Бельский. Позвольте присесть?

Он сел, аккуратно поставил чашку и несколько секунд молчал, словно подбирал слова. Я тоже молчала. В корректуре главное: не торопись, текст сам выдаст автора.

— Мне сказали, — начал он наконец, — что вы пятнадцать лет вычитывали книги в Москве.

— Кто сказал?

— Любовь Сергеевна. Она вас очень хвалит. Говорит, что вы читаете тексты так, как другие слушают музыку: слышите каждую фальшивую ноту.

— Люба преувеличивает.

— Надеюсь, что нет, — он достал из портфеля две папки: одну пухлую, в потёртом кожаном переплёте, другую тонкую, пластиковую. — Видите ли, к юбилею фабрики я решил написать книгу. Историю нашей семьи и нашей пастилы. Шестьдесят пять лет всё-таки. Писал сам, по вечерам, полтора года. Рукопись, думаю, нуждается в хорошем глазе. Не в редакторе, только в корректоре. Мысли мои не трогайте, а запятые, если позволите, поправьте.

— С удовольствием, — сказала я. Рукописи всегда были моей слабостью.

— И второе. — Он положил на стол тонкую папку и помедлил. — Это копии деловой переписки фабрики за последний год. Договоры, письма контрагентам, некоторые подписаны мной.

— Что именно вы хотите, чтобы я с ними сделала?

— Прочитала, — сказал он. — Просто прочитала. И сказали мне потом, как они вам.

Я открыла тонкую папку. Письма были обычные: «Уважаемый господин такой-то, просим рассмотреть возможность поставки...», «В ответ на ваше обращение сообщаем...». Бумага, печати, подписи. Подпись Бельского стояла в нижнем углу на большинстве листов.

Я прочитала три письма. Потом ещё два. Потом подняла глаза.

— Аркадий Борисович, вы писали эти письма сами?

— Нет. Их готовит коммерческий отдел, а подписываю я. Но, Нина Сергеевна, вот в чём странность. Мне кажется, что я эти письма... видел. Нет, не то. Что тексты в них какие-то не фабричные. Будто писал человек, которого я знаю, но не могу вспомнить, кто.

Я посмотрела ещё раз. Что-то действительно царапнуло слух. Не ошибка, нет. Привычка. Письма были написаны разными людьми и в разных стилях, но в двух из пяти повторялась одна и та же мелочь: «в течении недели», «в течении трёх дней». Через «и». Любой корректор знает, что в таких случаях правильно «в течение». Это единственный предлог, который я не прощаю даже родным.

— Тут есть одна повторяющаяся ошибка, — сказала я. — «В течении» вместо «в течение». Такое бывает, но три раза за пять писем, при том что письма разные и подписанты разные... любопытно.

— Вот, — тихо сказал Бельский. — Вот именно. Я чувствовал, что что-то не так. Но не мог понять, что. Вы, значит, тоже заметили.

— Это просто опечатка.

— Возможно, — он помолчал. — Скажите, Нина Сергеевна, а вы можете прочитать остальные? Там их ещё сорок. Я бы очень хотел услышать ваше мнение.

— Прочту. Но что именно я должна искать?

— Не знаю, — признался он. — Пока я не хочу ничего объяснять, чтобы вы читали без предубеждения. После юбилея мы поговорим подробнее. У меня к тому времени тоже будут новости.

— Какие?

— Это секрет, — улыбнулся Бельский. — Приятный. Но за две недели вы всё равно успеете прочитать обе папки. Через две недели у нас торжество. Приходите. Любовь Сергеевна взялась всё организовать.

Он встал, слегка поклонился и вернулся за свой столик. Люба издалека смотрела на меня с вытаращенными глазами. Я пожала плечами. Пожалуй, впервые за три месяца у меня появилась работа, которую мне не надо было отнимать у нейросети.

Вечером я устроилась в своей комнате с чаем и стопкой рукописи. Книга называлась «Пастила и память». Язык у Бельского оказался неожиданно хорош: простой, тёплый, с юмором. Он писал о маме, которая варила яблочную пастилу в большом тазу на кухне коммунальной квартиры, о том, как соседи приходили за добавкой, о первом ларьке на рынке и о том, как однажды чуть не продал дело за бесценок.

Дважды в рукописи он упоминал Фёдора Кротова: «мой друг и правая рука, с которым мы вместе начинали». Один раз тепло, второй раз почему-то с карандашной припиской на полях: «Что-то он слишком радуется».

Я подчеркнула эту приписку и сделала пометку для себя. Привычка.

В половине двенадцатого зазвонил телефон. На экране высветилось «Игорь».

Я посмотрела на него секунд пять. Потом ответила.

— Ниночка, — сказал мой бывший муж голосом человека, у которого сломалась кофеварка. — Прости, что так поздно. Я просто хотел спросить, где у нас лежала пятая насадка для блендера?

— Игорь, у нас был блендер с тремя насадками.

— Нет, пятая. Серебристая.

— Это венчик для яиц.

— А. Спасибо. Как ты там?

— Хорошо. Работаю.

— Где?

— Корректором, — сказала я. — Подбираю лишние запятые.

— Забавно. Мне Лена тут прислала текст, там в одном слове «чтобы» через дефис...

— Игорь, — сказала я очень спокойно. — Спокойной ночи.

Я повесила трубку и ещё минуту сидела, прислушиваясь к собственному сердцу. Оно билось ровно. Это был хороший знак.

Эклер, который каким-то образом проник в мою комнату и теперь сидел на подоконнике, медленно мигнул мне обоими глазами.

— Ты прав, — сказала я ему. — Пятая насадка не стоит эмоций.

Он отвернулся к окну, где, как раз в этот момент, на площади зажёгся фонарь.

Глава 3. Юбилей с летальным исходом

В субботу мы с Любой с утра превратили «Мятный лист» в праздничный зал. Люба накануне не спала: две ночи стояла у плиты и пекла так, словно готовилась к осаде. На столах лежали корзиночки, эклеры с ванильным кремом (Эклер, кот, ходил между ними с таким видом, как будто его эксплуатируют в незаконных целях), слоёные трубочки, медовик и знаменитый яблочный пирог.

Я расставляла чашки и машинально считала: двадцать семь гостей, двадцать семь чашек, двадцать восьмая запасная. Привычка бухгалтеров, по-моему, заразна даже для корректоров.

— Нин, ты что бормочешь?

— Считаю.

— А запятые проверила?

— Все до одной.

Праздник был назначен на пять вечера. К половине пятого в зал начали подтягиваться гости.

Первой пришла Элеонора, вторая жена Бельского. Тридцать пять лет, платье цвета морской волны, безупречная причёска и такое лицо, словно она сомневалась, не ошиблась ли адресом. Она оглядела зал, кивнула Любе и села у стены.

Следом появился Денис, сын Бельского от первого брака. Двадцать четыре года, худой, взъерошенный, в мятой рубашке. Телефон он держал в руке, как держат спасательный круг. Заметив меня, он кивнул и тут же устался в экран.

Фёдор Кротов вошёл шумно, как входят люди, привыкшие быть в центре комнаты. Румяный, круглый, пятидесяти пяти лет, с широкой улыбкой и огромной подарочной коробкой в красно-золотой бумаге.

— Аркаша, дорогой! — захохотал он с порога. — Шестьдесят пять лет делу, а ты всё такой же молодой! Это тебе от коллектива. Лучшая подборка нашей пастилы. Эксклюзив, партия на заказ!

— Фёдор, я же просил без помпы, — улыбнулся Бельский.

— Без помпы не бывает юбилея!

Кротов бережно поставил коробку на стол рядом с вазочкой с мятой, ласково поправил Бельскому воротник и повесил его пиджак на третий крючок у двери. Я запомнила эту сцену, потому что никогда прежде не видела, чтобы человек так нежно ухаживал за чужим пиджаком.

Последней пришла Зинаида Павловна Крылова, главный бухгалтер фабрики. Сухая седая женщина в строгом сером костюме, с такой прямой спиной, что казалось, будто она проглотила линейку. Она подала Бельскому конверт, тихо сказала «с юбилеем» и ушла в самый дальний угол. За весь вечер она не съела ни крошки.

В половине шестого Бельский встал и постучал ложечкой по чашке.

— Дорогие друзья. Я не люблю речи, но сегодня придётся. Шестьдесят пять лет назад моя мама сварила первую партию пастилы в тазу на общей кухне. Тогда я думал, что это просто сладость. Сейчас понимаю, что это был рецепт жизни: брать самое простое и делать из него что-то, ради чего люди приходят и остаются. Я хочу сказать спасибо тем, кто был рядом. И сообщить, что в ближайшее время вас ждут перемены. Хорошие. Подробности после чая.

Он улыбнулся и посмотрел на меня. Я успела подумать: вот сейчас он сообщит мне то, что обещал.

— Предлагаю начать с нашей пастилы, — сказал Бельский. — Фёдор, развернём подарок.

Кротов развернул красно-золотую бумагу. Внутри лежали изящные квадратики пастилы всех цветов, от нежно-розового до тёмно-малинового, выложенные ровными рядами.

Бельский взял один кусочек, малиновый, из середины коробки. Откусил. Прожевал. Улыбнулся.

— Вкусно, — сказал он. — Только какая-то непривычная. Фёдор, это новая рецептура?

— Секрет фирмы! — подмигнул Кротов.

Через минуту Бельский закашлялся.

Сначала никто не понял. Потом он схватился за горло, лицо пошло красными пятнами, и он страшно захрипел. Элеонора вскрикнула. Денис выронил телефон. Я бросилась к вешалке, нащупала в кармане пиджака пластмассовый футляр, выхватила ручку-автоинъектор и воткнула Бельскому в бедро, как делала в обучающем ролике, который однажды посмотрела на всякий случай.

Ничего не произошло.

Из иглы вытекла капля прозрачной жидкости. Бельский обмяк у меня на руках. Люба уже кричала в телефон про скорую, кто-то делал массаж сердца, но я знала: поздно.

Скорая приехала через девять минут. Врач посмотрел на лицо Бельского, на брошенную ручку, покачал головой.

— Анафилактический шок, — сказал он тихо. — Что он ел?

— Только яблочный пирог, — сказала Люба. Голос её дрожал. — И пастилу. Один кусочек. Но в моей кухне нет орехов. Вообще ни одного.

Врач обернулся к человеку, стоявшему в дверях.

— Лучше всё забрать. И коробку тоже.

Человек был высокий, лет сорока пяти, в простой тёмной куртке, с усталым лицом и очень внимательными серыми глазами. Он оглядел зал, каждого из нас по очереди, коробку с пастилой, кота на буфете. Эклер, приоткрыв один глаз, разглядывал его с тем же профессиональным интересом.

— Капитан Громов, — представился он. — Прошу никого не расходиться.

Глава 4. Подозреваемая — шарлотка

К девяти вечера нас осталось четверо: Люба, я, капитан Громов и Эклер, которому никто не мог объяснить, что случилась трагедия.

Всех гостей опросили, записали контакты и отпустили. Коробку с пастилой, чашки, тарелки и даже Любин блокнот с рецептами унесли в пакетах для вещдоков. Громов сел за угловой столик, тот самый, где ещё утром никого не было, а вечером сидел Бельский, и открыл тонкую папку.

— Любовь Сергеевна, рассказывайте по порядку.

Люба рассказывала, и у неё получалось плохо. Она всхлипывала, путалась, возвращалась к началу. Я сидела рядом и держала её за руку.

— Он ел только мой пирог, — повторяла она. — Я ни разу в жизни не положила ни одного ореха в тесто. Ни разу!

— Пастилу тоже вы делали?

— Нет! Пастилу не пекут, её варят. Это вообще не моё. Её принёс Кротов.

— Фёдор Игоревич?

— Да. Подарок от коллектива.

Громов записал. Мне показалось, что он слушает не только слова, но и паузы между ними.

— Нина Сергеевна, вы пытались помочь пострадавшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.